

С.В. Шарапов*

**ЖИВОТНОВОДСТВО НОВОСИБИРСКОЙ
ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ
ГОСУДАРСТВА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ****doi:10.31518/2618-9100-2022-4-12
УДК 94(47)"1940/1945"*Выходные данные для цитирования:**Шарапов С.В. Животноводство Новосибирской области в контексте аграрной политики государства накануне и в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 135–147.**URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-12.pdf>*

S.V. Sharapov*

**ANIMAL HUSBANDRY OF NOVOSIBIRSK REGION
IN THE CONTEXT OF STATE AGRARIAN POLICY
ON THE EVE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR****

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-12

*How to cite:**Sharapov S.V. Animal Husbandry of Novosibirsk Region in the Context of State Agrarian Policy on the Eve and During the Great Patriotic War // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 135–147.**[Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-12.pdf>]*

Abstract. Author analyzes one of the aspects of agrarian crisis of 1940s on example of Novosibirsk region. Pre-war 1940 became the starting point for critical deterioration in indicators of animal husbandry. Beginning of the Great Patriotic War was not so much a direct cause as a factor that deepened the crisis tendencies. Throughout the 1930s agrarian policy of the state led to depletion of regional livestock production potential. Its main negative elements were: over-centralization of management, poor quality of managerial decision-making, a clear bias towards forcing grain production to the detriment of livestock industry, blindness to regional and district agricultural specifics, lack of economic incentives for development of public animal husbandry “from below”, an unbalanced procurement system, which functioned in isolation from production indicators. Wartime conditions (lack of workers, fodder, prepared premises for livestock, etc.) exacerbated the crisis. However, the presence of systemic problems made a quick exit from the crisis after the end of the war problematic.

Keywords: the Great Patriotic War, agrarian policy of the state, animal husbandry, agrarian crisis, peasantry, Siberia.

The article has been received by the editor on 21.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на примере Новосибирской области рассматривается один из аспектов аграрного кризиса 1940-х гг. Отправной точкой резкого ухудшения показателей животноводства стал предвоенный 1940 г. Начало Великой Отечественной войны стало не столько прямой причиной, сколько фактором, углубившим кризисные тенденции. На протяжении 1930-х гг. аграрная политика государства вела к истощению производственного потенциала животноводства области. Ее основные негативные

* **Сергей Валерьевич Шарапов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

Sergey Valerievich Sharapov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43020 «Аграрная политика в СССР и региональные особенности ее реализации (1922–1991)».

The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project No. 21-09-43020 “Agrarian policy in the USSR and regional features of its implementation (1922–1991)”.

элементы: сверхцентрализация управления, низкое качество принимаемых управленческих решений, явный перекоп в сторону форсирования зернового производства в ущерб животноводческой отрасли, слепота по отношению к региональной и районной сельскохозяйственной специфике, отсутствие экономических стимулов для развития общественного животноводства «снизу», разбалансированная заготовительная система, функционировавшая в отрыве от производственных показателей. Условия военного времени (нехватка рабочих рук, кормов, подготовленных помещений для скота и пр.) обостряли кризис. Однако наличие системных проблем делало быстрый выход из кризисного состояния после окончания войны проблематичным.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, аграрная политика государства, животноводство, аграрный кризис, крестьянство, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 21.04.2022

Введение. До революции животноводство Сибири было одной из наиболее динамично развивающихся отраслей региональной экономики. Строительство Транссибирской магистрали, сократившей издержки транспортировки продукции на внешние рынки, дало мощный импульс товарному сельскохозяйственному производству на востоке страны. Наиболее востребованной для экспорта оказалась продукция сибирского маслоделия. В 1909–1913 гг. объемы поставок из Сибири животного масла составляли 16 % мирового экспорта¹. Регион превратился в крупнейшего поставщика маслодельной продукции в мире².

С конца 1910-х гг. начался период угасания некогда передовой для сибирского сельского хозяйства отрасли. В 1920–1940-е гг. животноводство региона прошло через три кризисные полосы. Первая из них была вызвана чередой войн и революций. В результате колоссального ущерба, нанесенного сельскому хозяйству потрясениями Первой мировой войны, революции 1917 г., Гражданской войны, сибирское маслоделие так и не смогло восстановить свой товарный потенциал, а регион под влиянием пришедшего к власти большевистского правительства все отчетливее приобретал зерновую специализацию.

Причиной второй полосы кризиса стала предпринятая партийно-государственным руководством «аграрная революция» на рубеже 1920–1930-х гг. Сельское хозяйство подверглось фундаментальной организационной трансформации, в результате которой основу производства составили новообразованные колхозы и совхозы. Неприятие кардинального преобразования всей сельской жизни со стороны самого крестьянства, не разделявшего или не понимавшего мотивы советской власти, вызвало разбалансировку всех производственных процессов и резкое ухудшение ключевых показателей в сельском хозяйстве. Не желая сдавать скот в колхозы, крестьянство предпочитало забивать его в количествах, намного превосходящих возможности личного потребления. Дезорганизованность колхозной системы на ранних этапах привела к тому, что темпы убыли скота оставались высокими до 1932 г. Только в 1933 г. в Западной Сибири удалось переломить тенденцию сокращения стада в колхозах. Ситуация стабилизировалась благодаря предпринимаемым властью мерам по увеличению производства кормов, строительству помещений для скота, улучшению зоо- и ветеринарного обслуживания³. Несмотря на начавшийся рост поголовья, достигнуть уровня 1928 г. к концу второй пятилетки так и не удалось. В 1937 г. в Сибири лоша-

¹ Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Новосибирск, 2011. С. 457

² Николаев А.А. Сибирское маслоделие – не состоявшийся тренд российской модернизации // Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала НЭПа. Новосибирск, 2021. С. 81.

³ Аграрная политика советского государства... С. 522.

дей было меньше на 52 %, крупного рогатого скота (КРС) – на 28, коров – на 33, свиней – на 39, овец – на 52 %⁴.

Третья полоса кризиса связана с потрясениями Второй мировой и Великой Отечественной войны. Сибирь как тыловой регион в полной мере ощутила на себе тяжесть мобилизационной политики государства, которая в целом оправдывалась экстремальным характером ситуации, но не была свободной от просчетов, ошибок, проявлений некомпетентности. Цель данной статьи – на примере Новосибирской области разобрать один из аспектов аграрного кризиса 1940-х гг. – кризис в животноводческой отрасли. Исследование осложняется тем, что границы Новосибирской области на протяжении войны менялись: в 1943 г. из состава региона была выделена Кемеровская область, а в 1944 г. – Томская область. По возможности в статье будут приводиться ряды сопоставимых данных с хронологическим указанием границ региона.

Начало кризиса: 1940/1941 г. Новосибирская область была образована в результате расформирования Западно-Сибирского края в 1937 г. Вплоть до 1939 г. включительно количество скота в колхозах области продолжало расти, хотя и сравнительно невысокими темпами (табл. 1). Важно заметить, что тенденция увеличения поголовья прервалась до начала немецкого вторжения. Переломным для животноводства Новосибирской области стал 1940 г. Какие же факторы стали причиной значительного сброса поголовья колхозного стада в относительно спокойном предвоенном году?

Таблица 1

Поголовье скота в колхозах Новосибирской области
в 1938–1941 гг., тыс. голов*

	1938**	1940	1941
КРС	543,8	575,9	551,8
в том числе коровы	185,2	207,7	200,3
Свиньи	110,5	156,8	112,8
Овцы и козы	441,3	623,6	715,5
Лошади	264,3	292,6	291,7

Составлено по: Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 116.

* В таблице приведены сопоставимые данные в границах региона на 1943 г.

** Сведения приводятся на начало каждого года.

1940 г. выдался крайне тяжелым для сельского хозяйства сразу двух регионов Западной Сибири: Новосибирской области и Алтайского края. На состояние отрасли повлияла совокупность неблагоприятных природно-климатических и политических факторов. Лето 1940 г. выдалось засушливым, что стало причиной чрезвычайно низкого урожая трав и зерновых культур. К этому следует добавить политический фактор – резкое увеличение натурального налогообложения в конце 1930-х гг. вследствие проводимой государством на фоне осложнения международной обстановки политики увеличения уровня изъятия продукции у сельхозпроизводителей⁵.

Низкая урожайность и сверхнормированные заготовки вызвали острый дефицит продовольствия, семян и кормов. Ситуацию в животноводстве осложняла нехватка подготовленных помещений для скота и распространение эпизоотий. Из-за необычайно затянувшейся

⁴ Аграрная политика советского государства... С. 566.

⁵ Шаронов С.В. Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. № 1. С. 81–88.

зимы 1940/1941 г. колхозам не хватило кормов на стойловый период, что вызвало огромный падеж скота, особенно весной 1941 г.⁶ По неполным оперативным данным областного земельного отдела, только за 5 месяцев 1941 г. пало взрослого КРС – 39,2 тыс. голов, свиней – 12,0 тыс., овец – 64,7 тыс., лошадей – 1,2 тыс. голов⁷. Особенно велик был падеж молодняка. За первое полугодие 1941 г. из числа родившихся телят пало 35,8 тыс. голов (или 21,6 % приплода), поросят – 29,0 тыс. голов (21 %), ягнят – 17,3 тыс. голов (39,1 %), жеребят – 3,3 тыс. голов (8,3 % приплода)⁸.

Критическое состояние сельского хозяйства Алтайского края и Новосибирской области встревожило центральное правительство: в регионах были зафиксированы случаи голодных смертей, опухания, употребления в пищу падали. Информация о ненормальном положении поступала по линии спецслужб. 8 марта 1941 г. начальник управления НКВД по Новосибирской области Ф.М. Медведев направил на имя Л.П. Берии докладную записку о критическом состоянии двенадцати районов, пострадавших от засухи. Медведев сообщал о массовом падеже скота из-за необеспеченности фуражными кормами⁹. В докладной записке приводилось донесение начальника Барабинского районного отдела НКВД, который наглядно описывал безвыходное положение местных хозяйств: «В большинстве колхозов района лошади находятся в таком состоянии, что не имеют возможности подвозить корма внутри колхоза. Спущенный наряд колхозам на получение из Северного района фуражного овса не выбирается, так как колхозы тягло не направляют, поскольку лошади не в состоянии выбрать этот фураж»¹⁰.

В июне 1941 г. в командировку в Западную Сибирь отправился секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев. Он должен был на месте ознакомиться с ситуацией и предпринять необходимые меры. В донесении И.В. Сталину Андреев подтвердил, что положение дел приобрело угрожающий характер¹¹. Фактически целью поездки Андреева было определение круга лиц, которые должны понести ответственность за провалы в сельском хозяйстве. Судя по всему, «эмиссар» ЦК ВКП(б) был сориентирован лично И.В. Сталиным провести работу совместно с местными органами НКГБ по линии выявления «антисоветского элемента», чья деятельность якобы стала причиной кризиса. Косвенным доказательством тому служит телеграмма А.А. Андреева И.В. Сталину по итогам поездки, в которой он в следующих выражениях описывал положение дел в Алтайском крае и Новосибирской области: «...*Действительно подтвердилось Ваше предположение* (выделено нами. – С. Ш.) о наличии ранее рассаженных и еще неразоблаченных вредителей, главным образом в земельных органах»¹².

В Новосибирской области А.А. Андреев активно пользовался предоставляемой местным управлением НКГБ информацией. Из донесений новосибирских «чекистов» следовало, что облземотдел фактически не руководил сельским хозяйством области. В одной из докладных записок в качестве характерного отношения к своей работе приводилось высказывание старшего зоотехника Ефимова, который на вопрос, почему земельный отдел не руководит колхозами, ответил: «Сейчас облЗО состоит из секторов по невмешательству в колхозные дела. Таковым является сектор организации труда. Управление животноводства тоже напоминает сектор по невмешательству в колхозные дела. Из вмешательства ничего не получается – лучше колхозы оставить в покое»¹³. Так, перегон скота из районов, испытывавших нехватку кормов, в более благополучные совершенно не управлялся со стороны облземотдела, проходил случайными маршрутами, без организации перегонных трасс, подкормочных

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 142–143.

⁷ Там же. Оп. 34. Д. 151. Л. 48.

⁸ Там же. Л. 49.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 30–31.

¹⁰ Там же. Л. 31.

¹¹ Там же. Д. 37. Л. 13.

¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 35. Л. 81.

баз и без соблюдения зооветеринарных правил¹⁴. В этой связи имели место случаи, когда скот перегонялся в районы, не обеспеченные кормами, зараженное поголовье отправлялось в не захваченные эпизоотией местности, а значительная часть животных гибла во время перегона.

В конечном счете обвинение во «вредительстве» пало на конкретных работников управления животноводства облземотдела. В частности, был арестован начальник управления, «сын бывшего дворянина» Ю.Н. Голощапов. Во время допроса 25 июня 1941 г. Голощапов не признал за собой «подрывной антисоветской работы», однако не снял с себя ответственности за «катастрофическое состояние» животноводства области¹⁵. При этом допрашиваемый полагал, что вместе с ним ответственность должны понести областные руководители (первый секретарь Новосибирского обкома Г.Н. Пуговкин, третий секретарь обкома Ф.Д. Кузнецов, заведующий сельхозотделом обкома Ф.В. Елисеев, председатель облисполкома Г.Н. Годовицын, заведующий облземотделом Г.Ф. Сизов). Показания Ю.Н. Голощапова интересны тем, что проливают свет на структурные проблемы управления данной отраслью сельского хозяйства. По его словам, Новосибирский обком, облисполком и облземотдел руководили животноводством «недостаточно и неконкретно, отделяясь принятием формальных декларативных решений»¹⁶. Допрашиваемый привел ряд показательных примеров, когда проблемы животноводства ставились перед областными властями, но должным образом не разрешались, а в некоторых случаях разрешались так, что причиняли еще больший ущерб.

Весной 1940 г. первому секретарю обкома Пуговкину и заместителю председателя облисполкома Амосову Голощапов представил докладную записку о плохом состоянии животноводства и выдвинул при этом ряд практических предложений. В частности, возбудить ходатайство перед ЦК ВКП(б) и СНК СССР о посылке в область недостающих ветеринаров, зоотехников и принятии целого ряда иных мероприятий. Однако никакой проверки животноводства со стороны обкома и облисполкома проведено не было, а центральное правительство так и не было проинформировано о положении дел¹⁷.

В ходе сеноуборочной кампании стало ясно, что заготовка кормов в колхозах срывается. В августе 1940 г. Ю.Н. Голощапов лично обращался к председателю облисполкома Г.Н. Годовицину с просьбой принять конкретные решения, обязывавшие райисполкомы и колхозы направить больше усилий на заготовку кормов. На что Годовицын ответил: «Сейчас нужно заниматься хлебом, по вопросам заготовки кормов указания даны и больше никаких указаний давать не требуется»¹⁸.

Зная, что во многих колхозах нечем кормить свиноголовье, Ю.Н. Голощапов в конце декабря 1940 г. вновь обратился к Г.Н. Годовицину с просьбой возбудить перед правительством вопрос о выделении концентрированных кормов для области. Сам Годовицын этим вопросом заниматься не стал, заявив, что по этому вопросу нужно переговорить с третьим секретарем обкома Ф.Д. Кузнецовым. Последний отреагировал следующим образом: «У нас не закончено с хлебопоставками, а поэтому возбуждать этот вопрос не можем и нецелесообразно»¹⁹. Минувя обком и облисполком, Голощапов написал докладную записку начальнику главного управления животноводства наркомата земледелия СССР. От него получил ответ, что пока проблема не будет поставлена областными организациями, реакции от Москвы не последует. Таким образом, все ходатайства остались без внимания²⁰.

В марте 1941 г. правительством в порядке оказания помощи Новосибирской области все же было отпущено 10 тыс. т жмыха и других концентрированных кормов. Несмотря на востребованность помощи, колхозы выбрали менее 3 тыс. т, а остальные корма остались на

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 81.

¹⁵ Там же. Д. 36. Л. 129–149.

¹⁶ Там же. Л. 130.

¹⁷ Там же. Л. 131.

¹⁸ Там же. Л. 136.

¹⁹ Там же. Л. 137.

²⁰ Там же. Л. 135–137.

станционных складах. Большая их часть не попала в артели из-за того, что корма отпускались по линии облпотребсоюза по розничным высоким ценам. Вследствие этого колхозы отказывались от их покупки несмотря на бескормицу²¹.

Показания Ю.Н. Голощапова указывают на одну из основных негативных черт системы управления сельским хозяйством. Централизация лишала ее гибкости, когда обком и облисполком в условиях многозадачности занимались теми направлениями работы, которые считались приоритетными и не требующими отлагательств (в сельском хозяйстве это хлебозаготовки, которые начинались во второй половине года), оставляя другие вопросы на периферии внимания.

В немалой степени такое положение было следствием аграрной политики государства, форсировавшей в 1930-е гг. зерновое производство в регионе. Полеводство оттягивало значительную часть столь ограниченных трудовых ресурсов, которые были востребованы и в животноводстве. Прибавим к этому крайне низкое качество принятия управленческих решений как на региональном, так и на центральном уровне власти, неповоротливость и косность управленческого аппарата. Система в то же время отказывалась признавать наличие внутренних проблем, подменяя объективные причины кризиса субъективными, т.е. «вредительством» конкретных лиц. По «чекистской» версии аппарат областного и районных земотделов был наполнен «контрреволюционерами». По области прокатилась волна арестов ответственных за животноводство работников. Например, «за подрывную работу в области животноводства» был арестован старший ветврач Ордынского райземотдела Таран, «сын кулаков». Таран признался, что «на путь борьбы с советской властью <...> он встал на почве классово-местной мести»²². В частности, Таран заявил, что отдавал распоряжения отдельным колхозам о перегоне скота из зараженных ящуром местностей в благополучные²³.

Животноводство области в условиях войны. Как уже было отмечено, 1940 г. стал отправной точкой кризиса в животноводстве области, который был усугублен условиями начавшейся в 1941 г. войны. В первую очередь по животноводству области ударили воинские мобилизации, лишив отрасль многих столь необходимых квалифицированных кадров. В целом обострившаяся до предела проблема нехватки трудовых и тягловых ресурсов в деревне негативно сказывалась на состоянии животноводства. Дефицит рабочих рук и растянутые сроки весенних посевных работ приводили к тому, что колхозники не успевали подготовиться к работам по обеспечению скота грубыми кормами. В сенокос колхозы вступали с запозданием, в связи с чем значительные площади трав оставались нескошенными. Если в 1938 г. скошенная площадь равнялась 2034 тыс. га, то в 1942 г. она составила только 1614,8 тыс. га²⁴.

В связи с общим снижением валовых сборов зерна резко сократилось производство концентрированных кормов для общественного скота. Если в 1938 г. при распределении зерновой продукции на заготовку кормов было выделено 316,2 тыс. т, то в 1942 г. – только 35,1 тыс. т²⁵. Таким образом, за несколько лет производство концентрированных кормов колхозами области сократилось почти в 10 раз, что губительно отразилось на состоянии поголовья.

Отвлечение рабочих рук от животноводства на полевые работы отрицательно сказалось также и на уходе за скотом и его содержании. Колхозы не успевали своевременно справляться с подготовкой помещений для зимовки. В колхозах Новосибирской области большинство животноводческих помещений было построено в период с 1930 по 1935 г. Ввиду недостатка рабочей силы и строительных материалов в 1940-е гг. они фактически не ремонтировались, пришли в негодность, а новое строительство большинство колхозов было не в состоянии осилить. Поэтому скот в значительной части колхозов находился в примитив-

²¹ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 138–140.

²² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 151. Л. 59.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Оп. 7. Д. 314. Л. 142.

²⁵ Там же.

ных непригодных помещениях или в разрушенных старых скотных дворах, кошарах и телятниках²⁶.

Бескормица, плохое содержание, недостаточное ветеринарное обслуживание, распространение эпизоотий, нехватка рабочих рук приводили к массовому падежу скота, особенно среди приплода. В 1943 г. доля павшего молодняка от числа народившегося в колхозах составила у жеребят – 22,6 %, у телят – 22,9, у ягнят – 29,3, у поросят – 15,5 %²⁷. Снижалась и продуктивность общественного животноводства: удой на одну фуражную корову сократился с 1321 л в 1938 г. до 960,2 л в 1942 г., настриг шерсти с одной овцы – с 2,5 кг в 1938 г. до 2,07 кг в 1942 г. Средний вес одной головы скота, сдаваемого на мясо, за этот период сократился по КРС с 225 до 191 кг, по свиньям – с 88 до 57 кг, по овцам – с 38 до 33 кг²⁸. Нехватка кормов особенно пагубно сказалась на поголовье лошадей. Нагрузка полевых работ на одну лошадь с 1938 по 1942 г. возросла почти в два раза²⁹. Увеличение нагрузки вкуче с сокращением кормовой базы приводило к истощению конепоголовья и массовому падежу.

Поголовье колхозного скота сокращалось на протяжении всего военного периода (табл. 2). Сломить эту тенденцию не помогли даже резко увеличившиеся в годы войны объемы закупки скота из ЛПХ колхозников в порядке контрактации. С началом войны государственные планы контрактации значительно возросли³⁰. Историки уже обращали внимание на то, что контрактация проводилась зачастую принудительно, а государственные расценки были гораздо ниже рыночных³¹. 11 марта 1942 г. было издано постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах сохранения молодняка и увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах», в котором контрактация была определена одним из основных средств пополнения общественного стада³². В докладной записке о выполнении постановления Новосибирской областью указывалось, что за первые 7 месяцев 1942 г. количество голов КРС в колхозах выросло на 54,2 тыс.³³ При этом более 90 % прироста составили закупки у колхозников³⁴. Тем не менее конец 1942 г. показал, что тенденцию сокращения колхозного стада сломить не удалось (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности скота в Новосибирской области
в 1941–1945 гг., тыс. голов*

	1941**	1942	1943	1944	1945
Крупный рогатый скот					
Госхозы	117,3	121,7	125,8	108,2	113,3
Колхозы	512,9	392,8	387,2	276,8	271,4
ЛПХ колхозников	218,9	178,4	180,9	189,9	221,0

²⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 389. Л. 162.

²⁷ Там же. Л. 161.

²⁸ Там же. Л. 158.

²⁹ Там же. Л. 163.

³⁰ Андреев С.Н. Колхозное животноводство в восточных регионах РСФСР в годы Великой Отечественной войны: основные факторы и тенденции развития // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. Иркутск, 2010. С. 483.

³¹ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 182; Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 76.

³² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 320–352.

³³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 230. Л. 28.

³⁴ Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. С. 114.

Окончание табл. 1

	1941**	1942	1943	1944	1945
Коровы					
Госхозы	49,7	49,4	47,2	42,6	42,9
Колхозы	190,0	151,3	129,3	95,7	80,9
ЛПХ колхозников	140,0	130,0	135,6	136,8	139,9
Свиньи					
Госхозы	55,4	37,2	35,5	32,1	31,6
Колхозы	90,0	81,7	75,5	29,4	28,9
ЛПХ колхозников	66,8	33,0	40,6	38,3	42,4
Овцы и козы					
Госхозы	91,4	103,9	107,7	84,2	81,7
Колхозы	748,0	612,0	644,1	439,5	409,1
ЛПХ колхозников	489,9	296,5	302,3	267,0	316,9
Лошади					
Госхозы	53,9	34,6	38,0	30,6	28,8
Колхозы	246,0	181,4	150,8	104,6	85,2
ЛПХ колхозников	0,1	–	–	–	–

Составлено по: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1821. Л. 120–122.

* В таблице приведены сопоставимые данные в границах региона на 1945 г.

** Сведения приводятся на начало каждого года.

Нетрудно заметить, что динамика поголовья в колхозах и ЛПХ значительно отличается, особенно во второй половине военного периода. Если количество скота в колхозах неуклонно снижалось из года в год, то численность поголовья, находящегося в личной собственности колхозников, стабилизировалась и перешла в рост уже в 1943–1944 гг. Данной тенденции не смогла помешать даже постоянная перекачка скота в общественный сектор (только в 1944 г. у колхозников было закуплено 51 620 голов молодняка КРС, 10 904 овец и коз и 702 свиньи³⁵).

Наличие коровы для большинства семей являлось условием выживания в военные годы, поэтому личные интересы заставляли проявлять заботу по отношению к собственному скоту порой в ущерб общественному. Государству так и не удалось создать значимых экономических стимулов для подобного же отношения к колхозному стаду. Во время обсуждения на заседании бюро обкома положения дел в Коченевском районе в 1942 г. заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом А.Б. Озирский докладывал: «Вместо того чтобы убирать колхозное сено, колхозники в первую очередь бросились убирать свое

³⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 204. Л. 3.

собственное сено и под различными предложениями <...> стараются пораньше уйти с поля, идут косить сено для себя и стараются приходить позже на работу, чтобы покосить сено для своей коровы. Мне кажется, что на это надо серьезно посмотреть. Именно это обстоятельство, что у нас дело запущено, бывает потому, что колхозники свои личные интересы ставят выше интересов общественного производства»³⁶.

На наш взгляд, основная причина неуклонного сокращения общественного стада с 1940 г. заключалась в системе заготовок сельскохозяйственной продукции, блокировавшей саму возможность роста поголовья и в целом продуктивного использования животноводческого потенциала районов, который, несмотря на условия военного времени, оставался относительно высок.

Заготовки животноводческой продукции. В 1940 г. произошел переход к так называемой погектарной системе обложения колхозов обязательными поставками. Советское правительство признало неэффективным прежний порядок, при котором объемы изъятия продукции животноводства определялись по плановому или наличному поголовью скота. С точки зрения правительства, такой принцип заготовительной политики подталкивал руководителей хозяйств к искусственному сокращению поголовья ради уменьшения налоговой нагрузки³⁷. Теперь для продукции животноводства планы обязательных поставок определялись количеством гектаров облагаемой земли, в которую входили пашни, пастбища и луга. Основным изъян данной системы заключался в том, что размеры угодий практически никак не коррелировали с наличным поголовьем скота. Для многоземельных колхозов Сибири погектарный принцип обернулся установлением чрезмерно завышенных и заведомо невыполнимых планов.

Принятая система обязательных поставок приводила к поистине абсурдным ситуациям. Так, например, в 1943 г. колхоз «Ленинградский рабочий» Чановского района Новосибирской области, имевший на один колхозный двор 87 га облагаемой земельной площади, должен был сдать в счет мясоставок почти в два раза больше скота, чем имелось в хозяйстве. В то же время для колхоза «Путь к социализму» того же района при 41 га облагаемой земли на один колхозный двор процент изъятия скота по плану составлял только 23,8 %. Колхоз «На страже» Чулымского района имел такое же поголовье, что и колхоз «Путь к социализму», но облагаемой земли в нем приходилось на один колхозный двор 82 га, и процент скота, который надлежало сдать государству, составлял уже 52,4 %³⁸.

Положение дел усугублялось тем, что при переходе к погектарному принципу учет облагаемой земли был произведен неправильно. За основу были взяты данные земельного баланса 1938 г. В ходе проверки выяснилось, что замеры облагаемой площади были неточны и преувеличены. Оказалось, что в Новосибирской области облагаться поставками животноводческой продукции должна была значительно меньшая территория. Так, размер облагаемой площади составлял 7030 тыс. га, тогда как по уточненному земельному балансу 1943 г. облагаться должны были 6757,3 тыс. га (в границах региона 1944 г.). Кроме того, в состав 6757,3 тыс. га было включено 145,4 тыс. га заболоченных лугов, не используемых колхозами, которые также не должны были подлежать обложению. Таким образом, из-под обложения должно было быть выведено 418,1 тыс. га земли³⁹.

Нельзя сказать, что центральное правительство не было проинформировано о неправильном учете земельных фондов. Еще летом 1941 г. А.А. Андреев, инспектировавший область, в донесениях И.В. Сталину указывал, что критическое положение в сельском хозяйстве в немалой степени было вызвано обложением натуральным налогом неиспользуемых земельных площадей⁴⁰. Данное обстоятельство, между прочим, было объявлено следствием «вредительской» деятельности, а некоторые ответственные работники управления земле-

³⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 629. Л. 57 об.

³⁷ Ильных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 129.

³⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 150.

³⁹ Там же. Оп. 9. Д. 213. Л. 21.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 37. Л. 14.

устройства облземотдела были арестованы. Удивительно, но, несмотря на признанный «вредительский» характер учета облагаемой земли, частичное списание излишков произошло только в 1945 г.⁴¹ Очевидно, что завышенные планы служили формальным оправданием произвола заготовителей, а пределы изъятия продукции фактически оказывались ничем не ограничены. При этом государство наращивало налоговую нагрузку, создав в 1943 г. мясной фонд Красной армии, сдача скота в который была обязательной и осуществлялась по тому же погектарному принципу.

Динамика заготовок животноводческой продукции показывает, что количество сданного мяса в порядке обязательных поставок из года в год увеличивалось, а процент выполнения планов уменьшался (табл. 3). Для сравнения, в 1939 г. для выполнения плана колхозы должны были сдать 30 кг мяса с одной головы КРС, а в 1943 г. данный показатель вырос уже до 83,7 кг. Фактически же в 1939 г. было сдано 31,3 кг с одной головы, а в 1943 г. – 50 кг. Если к этому прибавить переданный государству скот в счет других поставок и за семена, то колхозы сдали с одной головы крупного рогатого скота в 1943 г. 72,6 кг мяса⁴². Разумеется, по многим колхозам, особенно многоземельным, выполнение обязательных поставок по мясу шло за счет сокращения основного стада.

Столь же невыполнимыми были планы и по другим видам животноводческой продукции. Некоторые колхозы, получавшие самые минимальные нормы поставок молока, не в состоянии были выполнить планы. Так, например, Кожевниковский район в 1944 г. должен был сдать 8 л молока с каждого с гектара облагаемой земли, или 960 л с каждой имевшейся коровы. В то же время фактический удой в колхозах Кожевниковского района составлял 800–900 л на корову⁴³.

Таблица 3

Заготовки животноводческой продукции по обязательным поставкам колхозов в Новосибирской области*

	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944
Мясо, т	12 892	15 451	20 294	17 503	19 867	22 747	18 771
Процент выполнения плана	102,3	104,9	95,4	82,6	85,8	83,1	78,8
Молоко, тыс. л	110 155	115 026	112 461	92 851	96 209	64 134	56 463
Процент выполнения плана	96,4	96,3	93,0	63,2	43,7	68,3	58,5
Шерсть, ц	–	–	6 222	6 327	6 921	6 062	6 348
Процент выполнения плана	–	–	90,5	74,3	67,4	54,2	56,3

Источник: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 204. Л. 36–38.

* В таблице приведены сопоставимые данные в границах региона на 1944 г.

В связи с систематическим невыполнением планов росли недоимки колхозов. Так, если в 1940 г. недоимки по сдаче мяса составляли 1379 т, то в 1943 г. они выросли до 8987 т⁴⁴. Рассчитаться с государством было невозможно. Следует вдобавок учитывать, что навязанная в регионы зерновая специализация препятствовала реализации выигранных экономических стратегий для тех районов, в которых имелись лучшие условия для развития животноводческой отрасли. Ярким примером тому служит история семнадцати районов Барабинской степи, исторически имевших животноводческую специализацию, но вопреки экономической рациональности искусственно переориентированных на зерновое производство.

⁴¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 204. Л. 24–25.

⁴² Там же. Оп. 7. Д. 314. Л. 148.

⁴³ Там же. Л. 150–151.

⁴⁴ Там же. Оп. 7. Д. 389. Л. 159.

Животноводство Барабинской степи. Районы Барабинской степи исторически специализировались на молочном животноводстве, производя в 1920-е г. до четверти всей маслодельной продукции Западной Сибири. В 1927 г. с одной коровы в Барабинском округе получали 38,2 кг товарного масла, тогда как в среднем по Сибири аналогичный показатель равнялся 13,7 кг. В том же 1927 г. животноводство давало 90 % стоимости всей произведенной Барабинским округом сельскохозяйственной продукции, тогда как доля полеводства составляла всего 8,2 %⁴⁵.

После коллективизации районы Барабинской степи сохранили животноводческую специализацию. Здесь было организовано 40 мясомолочных совхозов, переоборудовано и построено 84 маслозавода. Это позволило в 1936 г. довести производство масла в этих районах до 92,7 тыс. ц по сравнению с 60,2 тыс. ц в 1932 г. Удельный вес животноводческой продукции в денежных доходах колхозов составлял 73,4 %, а по отдельным колхозам – 80–85 %⁴⁶.

Развитию молочного животноводства в этих районах способствовало изобилие болотно-луговых, болотно-подзолистых и засоленных почв. В то же время такой почвенный состав с низким содержанием гумуса делал земледелие малопродуктивным. Бедные почвы, поздние весенние и ранние осенние заморозки ограничивали в районах Барабы возможность получения устойчивых урожаев зерновых культур. В связи с этим удобные земли главным образом использовались под выпасы и сенокосы.

Значительная часть населения Барабинского округа жила за счет закупок хлеба. Основным источником доходов была продукция животноводства. В северных районах Барабинского округа, где особенно было развито животноводство, обеспеченность одного хозяйства посевом составляла всего 1,8 га⁴⁷.

С 1940 г. барабинское животноводство оказывается в глубоком кризисе. Экстремальные условия военного времени наложились на последствия долговременной аграрной политики государства, ведшей к деградации отрасли. Одним из негативных факторов была запущенность мелиоративной системы Барабинской степи. Активная фаза осушительных работ пришлось на рубеж XIX–XX вв. С 1885 по 1918 г. было построено 3145,3 км осушительных каналов, проводились работы по расчистке речных русел, сооружению мостов и гатей. В результате проведенных мероприятий было осушено 403,2 тыс. га болот⁴⁸.

С 1918 г. мелиоративные работы в Барабинской степи перестали производиться. Некогда созданная осушительная система пришла в запустение, что привело к прогрессирующему повторному заболачиванию недавно пригодных для сельского хозяйства местностей. Сокращение кормовых угодий заставляло крестьян переселяться в другие районы⁴⁹.

Другой причиной деградации животноводства Барабинской степи стала проводимая правительством в 1930-е гг. политика форсирования зернового производства в регионе. Несмотря на то, что условия почвенного покрова Барабинской степи отнюдь не благоприятствовали высокотоварному земледелию, под давлением со стороны государства посевные площади с 1928 по 1942 г. увеличились с 409 тыс. га до 1027,8 тыс. га⁵⁰. Если в целом по Новосибирской области за указанный период площадь посевов увеличилась в два раза, то по районам Барабинской степи – в два с половиной раза.

Расширение посевных площадей привело к изменению исторически сложившегося направления хозяйства колхозов Барабинской степи. Резко увеличились объемы работ по производству зерна. Характер почв с малым содержанием гумуса позволял собирать устойчивый урожай только в течение 3–4 лет. Учитывая, что расширение посевов в основном происходило без соблюдения агротехнических правил, за счет сокращения площадей

⁴⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 153.

⁴⁶ Там же. Л. 154.

⁴⁷ Там же. Л. 155.

⁴⁸ Там же. Л. 157–158.

⁴⁹ Там же. Л. 158.

⁵⁰ Там же. Л. 160.

паровой обработки, к началу 1940-х гг. продуктивность зернового хозяйства была чрезвычайно низкой⁵¹.

Увеличивающийся объем полевых работ не давал возможности колхозам Барабинской степи использовать богатые природные условия для развития животноводства. Вопреки здравому смыслу колхозы были вынуждены растрачивать большую часть труда на производство зерна в ущерб экономически выгодному направлению хозяйства. Многоземельные колхозы Барабинской степи в годы войны страдали от непосильных заготовительных планов.

Все это сказывалось на общественном поголовье. По районам Барабинской степи с 1 января 1940 г. по 1 декабря 1943 г. поголовье КРС в колхозах сократилось на 207,4 тыс. голов, коров – на 73,9 тыс., овец – на 151,8 тыс., лошадей – на 74,3 тыс. голов⁵². Данные показывают, что сокращение поголовья колхозного стада по области произошло в основном за счет районов Барабинской степи. Вместе с тем снижалась продуктивность животноводства: если в 1938 г. сдаточный вес головы КРС составлял 22 кг, то в 1942 г. – 191 кг. В 1938 г. удой на одну фуражную корову составлял 1376 л, в 1942 г. – только 1130 л⁵³.

Заключение. Острая фаза кризиса в животноводстве Новосибирской области началась в 1940 г. Начало Великой Отечественной войны в 1941 г. поэтому вряд ли можно считать прямой его причиной, скорее фактором, углубившим кризисные тенденции. Все же войну, не столько понимаемую в данном случае как непосредственные боевые действия, а как актуальную угрозу, к которой большевистское правительство готовилось в 1930-е гг., необходимо иметь в виду. Тот мобилизационный нажим, который ощущался в 1940 г. и привел к обвальному сокращению поголовья в колхозах Новосибирской области и Алтайского края, разумеется, стоит рассматривать в контексте начавшейся Второй мировой войны и угроз, которые сулила она советскому государству. Основная проблема заключалась в том, что усиливавшаяся мобилизационная политика проводилась в отношении уже истощенной к концу 1930-х гг. отрасли. Животноводство оказалось в своего рода управленческом «вакууме». Для региональных властей животноводство оставалось проблемой второго порядка, которая меркла на фоне задач зернового производства. Колхозная система так и не смогла создать достаточных стимулов для самих крестьян, лишая их интереса в развитии отрасли «снизу». В документах областного земельного отдела военного времени положение животноводства называлось не иначе как «беспризорным»⁵⁴. В этом, на наш взгляд, основная причина низкой продуктивности отрасли относительно дореволюционного периода или даже 1920-х гг.

Литература

Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. 608 с.

Андреев С.Н. Колхозное животноводство в восточных регионах РСФСР в годы Великой Отечественной войны: основные факторы и тенденции развития // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. С. 482–485.

Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. 466 с.

Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.

Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

⁵¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 161.

⁵² Там же. Л. 156.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 143.

Николаев А.А. Сибирское маслоделие – не состоявшийся тренд российской модернизации // Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала НЭПа. Новосибирск: Параллель, 2021. С. 80–89.

Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2012. 408 с.

Шарапов С.В. Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28, № 1. С. 81–88.

References

Andreenkov, S.N. (2010). Kolkhoznoe zhivotnovodstvo v vostochnykh regionakh RSFSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: osnovnye faktory i tendentsii razvitiya [Collective Farm Animal Husbandry in Eastern Regions of the RSFSR During the Great Patriotic War: Main Factors and Development Trends]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik: 2010*. Irkutsk, Izd-vo BGUJeP, pp. 482–485.

Arutyunyan, Yu.V. (1970). Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Soviet Peasantry During the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka. 466 p.

Ильиных, В.А., Кавцевич, О.К. (Eds.). (2011). Agrarnaya politika sovetskogo gosudarstva i sel'skoe khozyaystvo Sibiri v 1930-e gg.: dokumental'no-monograficheskoe izdanie [Agrarian Policy of the Soviet State and Agriculture of Siberia in the 1930s: A Documentary-Monographic Edition]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 608 p.

Ильиных, В.А. (2004). Nalogovo-podatnoe oblozhenie sibirskoy derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg. [Taxation of Siberian Village. Late 1920s – Early 1950s]. Novosibirsk, GUP RPO SO RASHN. 167 p.

Ильиных, В.А., Кавцевич, О.К. (Eds.). (2012). Sel'skoe khozyaystvo Sibiri v XX veke: problemy razvitiya i krizisy [Agriculture in Siberia in 20th Century: Problems of Development and Crises]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 408 p.

Kornilov, G.E. (1990). Ural'skaya derevnya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Ural Village During the Great Patriotic War (1941–1945)]. Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta. 223 p.

Nikolaev, A.A. (2021). Sibirskoe maslodeliye – ne sostoyavshiysya trend rossiyskoy modernizatsii [Siberian Buttermaking – A Failed Trend of Russian Modernization]. In *Rossiyskie ekonomicheskie reformy v regional'nom izmerenii: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy stoletiyu nachala NEPa*. Novosibirsk, Parallel', pp. 80–89.

Sharapov, S.V. (2021). Sel'skoe khozyaystvo Novosibirskoy oblasti i Altayskogo kraya nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny: ekonomicheskiy i sotsial'no-politicheskiy aspekty [Agriculture of the Novosibirsk Region and Altai Territory on the Eve of the Great Patriotic War: Economic and Socio-Political Aspects]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 28, No. 1, pp. 81–88.